

УДК 94 (437) [10/17]

ОБРАЗЫ БРИТАНСКИХ МОНАРХОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI ВЕКА

И. Я. Эльфонд

Саратовский социально-экономический институт
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: iyelfond@mail.ru

В статье рассматривается проблема «чужого» в политической литературе Франции в период религиозных войн XVI века. Автор полагает, что образ «врага», традиционно связывавшийся с англичанами, претерпевает изменения вследствие нового религиозного противостояния, в связи с чем создаются новые исторические мифы, которые использовались во французской политической пропаганде.

Ключевые слова: проблема чужого, английские короли, культурно-исторический миф, политическая конфронтация.

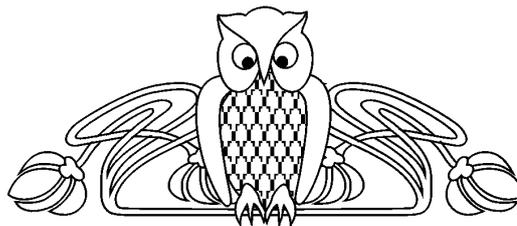
The Images of British Monarchs in French Political Literature of XVI Century

I. Ya. Elfond

The paper deals with the problem of «alien» in political literature of France during the wars of religion of 16-th century. The author insists that the traditional model of the fiend connected with Englishmen evolved due the new confessional confrontation and there were constructed new historical myths used by political propaganda in France.

Key words: problem of alien, English monarchs, cultural and historical myth, political confrontation.

Для французской политической литературы эпохи гражданских войн было типичным в полемике обращение к персоналиям, и прежде всего авторов привлекали личности монархов. Именно критика или апология монархов определяла отношение отдельных авторов к национальной и европейской истории, отношение к политическим формам организации общества или институциональной истории. На эту литературу оказала влияние и общегуманистическая позиция в отношении исторической личности. Естественно, в полемике поднимались вопросы политической истории, и уже в силу этого на переднем плане оказывались персонажи национальной истории. Внимание историков обращалось по преимуществу на деятельность французских королей, и соответственно трактуются их образы. Однако на этом процессе сказывается уже исторически сложившийся в литературе и менталитете образ «чужого» и образ «врага». А поскольку этот образ издавна и вполне традиционно персонифицировался в лице недавних врагов англичан, то естественно, что во французской литературе особое внимание привлекает образ англичанина как воплощения «чужого», и

тем более английских монархов. Монархи других стран (за исключением демона юга Филиппа II Испанского) упоминаются обычно sporadически.

Под влиянием изменившейся политической ситуации – прежде всего итальянских войн и претензий Габсбургов на политическую гегемонию Европы – постепенно образ врага начинает трансформироваться. На этот процесс особое воздействие стала оказывать Реформация: тираноборцы при рассмотрении политических конфронтаций начинают обелять образ именно английских монархов. Так, в изображении Отмана политическую мудрость проявляет Эдуард I в своих законах в отношении этнических меньшинств, в частности, бретонцев, как потомков автохтонных жителей Англии¹.

Генрих I также оценивается известным тираноборцем как мудрый правитель из-за его стремления к благу и сохранности государства, утвердивший общественный совет, который существовал в древние времена у англосаксов. Мудрость английских королей проявилась и в том, что они «не могут лично или же через своих министров вводить налоги, субсидии или же другие поборы (какие бы то ни было) для своих подданных, он также не может изменять их законы, или же издавать новые законы без согласия и поддержки всего королевства, выраженных в воле парламента»².

Единственное, в чем Отман осуждает английских королей (исключительно в нарушении права), это вопрос о начале Столетней войны. В его трактовке английский король Эдуард, «родившийся от Изабеллы, сестры Карла Красивого», настоятельно потребовал, чтобы трон Галлии перешел к нему по праву наследования. Это вызвало «великую войну между королями Англии и Франции», но претензии провозглашаются неправовыми из-за Салического закона, и, следовательно, «названный Эдуард, сын упомянутой Изабеллы, не мог претендовать по какому бы то ни было праву на французскую корону»³. Сравнение же деятельности английских и французских монархов приводит Отмана к тому, что он осуждает трусость, вероломство и жестокость французских королей (в частности Филиппа Августа против крестоносца Ричарда, как-то забывая при этом, что французский король тоже являлся крестоносцем).

Таким образом, Отман как теоретик гугенотов скорее оправдывает деятельность английских

королей, в том числе и тех средневековых монархов, которые были и оставались католиками, судя по всему, исключительно в целях противопоставления их абсолютистским правителям во Франции.

Особое внимание образам английских монархов уделено в историческом сочинении католика Э. Пакье. Негативное отношение к англам и саксам в его труде «Изыскания о Франции» вызывает особые оценки. Так, вторжение скандинавов, а позднее и завоевание норманнов толкуется как справедливое воздаяние англам и саксам: «Вильгельм подчинил Англию, показав своим преемникам путь и средства удерживать этот буйный народ в узде»⁴. Гуманист, рассматривая историю правления Нормандской династии, отмечает «страшную грубость и жестокость правителей при полном незнании природы страны»⁵. Так закладывается основа для оценок и характеристики английского монархов в позднейшие времена.

Именно у Пакье дается краткий очерк истории английской династии, судеб каждого из английских королей и последовательно проводится идея о присущей любым британским монархам жестокости, об отсутствии не только каких-то родственных чувств, но даже почтения к своей династии. Он объясняет эти особенности проклятием жены Генриха I Маргариты Шотландской, бывшей монахини (насилственно принужденной к браку с английским королем – святоотатством), которое «коснулось не только третьего и четвертого поколения, но продолжается до наших дней»⁶. Впрочем, и без учета этого проклятия описание действий английских королей, правивших задолго до него, выглядит как цепь насилия, убийств и узурпации власти. В конце концов, сама героиня – последняя представительница англосаксонской династии, у которой отняли власть над Англией. Сам Генрих узурпировал власть у брата крестоносца (также кощунство), а Вильгельма Завоевателя историк осуждает за крайнюю жестокость.

Пакье использует эту историческую легенду для общих оценок истории королевской семьи: проклятие прародительницы в его описании определило всю историю Англии в целом вплоть до современных событий. Этот миф объявляется историком фактом, оказавшим влияние и на историю Франции. Насилие ведет к насилию и ненависти; именно в этом историк видит смысл проклятия Матильды и последовавших несчастий Англии. Оценки Пакье беспощадны: «Не было ни одного монарха, царствующего в Англии, который для того чтобы его правление оказалось прочным, не казнил бы и не заточил бы братьев или других ближайших родственников, а это нередко приводило к гражданским раздорам»⁷. Историк внушает отвращение даже перспектива описывать эти бесконечные распри и раздоры, по его мнению, «происходившее скорее было ужасающим, чем приятным».

Краткий очерк истории Англии и династии построен на весьма специфическом отборе фак-

тов – главным оказывается преступление против собственного рода. Стефан узурпировал корону, что привело к длительным войнам. Относительное процветание королевства при Генрихе II означало множество бед для Франции, король «доставил множество тревог современному французскому королевству, но над ним стояла воля Божья, пославшего Филиппа Августа». В целом же такое внимание к проклятию у Пакье неслучайно, объективно он объясняет всю историю английских королей волей Божией. А судьба, памятуя о пророчестве первой Матильды, «не хотела оставить английских монархов в покое». Этим объясняется трагическое противостояние короля с сыновьями, с целью захвата короны. Даже смерть приводила только к одному: «положение еще ухудшилось»⁸.

Аналогично трактуется история правления его сыновей, в особенности показательной становится характеристика царствования и прихода к власти Иоанна Безземельного (которого обвиняют в кощунстве, жестокости, организации заговоров). Борьба между «Скверным королем» Иоанном и его племянником Артуром вызвала, по описанию историка, новые страшные распри. Именно с этим Пакье связывает серьезные политические пертурбации: «начался упадок королевства английского»⁹. Другой формой наказания Божьего объявляются мятеж и козни подданных в правлении Генриха III. Пакье с неудовольствием замечает, что Эдуард I прожил свою жизнь достойно и благополучно, но трактует это скорее как случайность, поскольку проклятие настигло его сына, который по своей жестокости и недалекости, вызвавших «бесконечное множество бедствий», казнил множество людей, включая своего близкого родственника Томаса Ланкастера, за что и был подвергнут каре Божьей. За недостойное поведение король был наказан Богом: «лишен короны, его друзья казнены, а сам кончил жизнь печально»¹⁰.

Казнь дяди Эдуарда III (по-видимому, и война с Францией) повлекла кару в следующем поколении – распри Алой и Белой розы. По мнению Пакье, «этот раскол чуть не привел к полному и окончательному краху Англии». В принципе, по мнению французского историка, цепь преступлений продолжалась и в правление Ричарда II, который «помимо множества недостойных поступков, которые сносил его народ, не довольствуясь этим, приказал бросить в темницу, а затем повесить своего дядю Томаса, изгнать Генриха Дерби сына своего дяди Джона Ланкастера». Как заслуженное возмездие Пакье трактует и судьбу самого Ричарда, вследствие действий ранее изгнанного кузена. Последний, в свою очередь, по возвращении «захватил короля Ричарда, вынудил его в присутствии Парламента отречься от короны и, не довольствуясь этим, приказал его умертвить в темнице»¹¹.

Апофеозом жестокого и бесчеловечного правления английской династии гуманист считает пе-

риод правления Ричарда III; Пакье суммирует все легенды, дошедшие до его времени: король в его описании умертвил обоих племянников, объявил дочерей незаконнорожденными¹² и провозгласил себя королем «к великому неудовольствию всех добрых людей»¹³. Пакье говорит об оппозиции населения (следующего таким образом воле Божьей); в его изображении «жители Лондона были недовольны его дурными поступками» и призвали Генриха VII.

Видно, что оценки деятельности английских монархов (особенно в Столетней войне, которую Пакье называет «войны с англичанами») даются также с негативных позиций. Они (Генрих V в особенности) стремились «только к тому, чтобы расширить своего владения благодаря нашей гибели»¹⁴ и естественно, что принесли много вреда Франции (об этом упоминается несколько раз).

Наиболее показательна трактовка эпизода современности, в котором можно было противопоставить характеры и поступки двух знаменитых протагонисток Елизаветы и Марии. Естественно, что французы, особенно католики, могли сочувствовать трагической судьбе королеве Шотландии, старой союзницы Франции, сама личность Марии как дочери французской принцессы и вдовствующей королевы Франции была, конечно, им ближе. Пакье вообще оказался одним из первых, кто рассмотрел антагонизм Марии и Елизаветы. Во всем данном фрагменте заметна совершенно новая нотка. Разумеется, английская сторона показана и здесь резко негативно, но акценты расставлены иначе. Впервые Пакье выражает различное отношение к англичанам, разделяя их по конфессиональной принадлежности и подчеркивая, что трагическая судьба шотландской королевы неотделима от печальной участи преследуемых английских католиков. Негативная трактовка образа Елизаветы связана с тем, что она насаждает протестантизм во всех его толках (лютеранство, да еще, наряду с пуританами, упоминаются кальвинисты).

Образ же Марии Стюарт подается как невинной мученицы и невинной жертвы страха и религиозного озлобления. Все оценки французского историка определялись отношением к противостоянию двух конфессий. В его трактовке преследование со стороны Елизаветы только усиливается вследствие того, что жертва является ближайшей наследницей английского престола и может наступить расплата: «Зная, что та наиболее близка [к Елизавете] по крови и потому может достичь короны, они и вели процесс». В его трактовке английская королева совершенно лишена человеческих эмоций, но руководствуется только расчетом и выгодой – при решении принципиально важного для любого правителя вопроса она «взвесила и просчитала все».

Особое место в тексте Пакье занимает оценка действий Елизаветы. Английская королева изображается чуть ли не марионеткой, которая в

знак благодарности, что благодаря протестантам оказалась на троне, «рассадил ересь Мартина Лютера»¹⁵. Облик Елизаветы дополняется и характеристикой ее методов правления (словно речь идет о Марии Кровавой): «чтобы утвердиться, она заставила слететь головы бедных католиков, которые не могли снизить до нее. А другие католики удалились в изгнание». Беспринципности, трусливости, жестокости протестантки Елизаветы противопоставляется стойкость, мужество и верность вере со стороны слабой женщины: «Я никогда не читал ни о подобной суровости, если не сказать жестокости, подобной той, которая была проявлена к этой даме, ни о верности вере, которую она доказала». Французский историк не боится оценить поведение Елизаветы как низость, недостойную женщины, королевы и родственницы; по его мнению, «королеву предали смерти постановлением другой королевы, в которой должно было бы проявиться по природе большее милосердие»¹⁶.

Пакье в целом оценивает государственную деятельность Елизаветы как один из лучших примеров правления женщин, рассуждая «о величии некоторых государынь». Он отмечал, что именно Елизавета достигла наибольших успехов, отказавшись от женских слабостей, однако, называя ее первой из пяти современных ему государынь (кроме нее, это Екатерина Медичи, Жанна д'Альбре, Маргарита Пармская и правительница Португалии инфанта Элеонора), правящих «мудро и благоразумно»¹⁷.

Судя по всему, он вообще придавал такое значение проклятию Матильды, поскольку исполнение его связывал как раз с тем, что «в 1587 королева Елизавета казнила свою родственницу королеву Шотландскую Марию Стюарт, после того как держала ее в своих тюрьмах на протяжении девятнадцати лет»¹⁸. Тем самым ситуации придается еще моральный, символический и фаталистический оттенок.

Если даже католик Пакье говорит о достоинствах Елизаветы, то гугенот д'Обинье ведет речь об апологии английских монархов XVI в. именно в связи с проблемами Реформации. Он был, кажется, единственным, кто провозгласил личность и деятельность Генриха VIII «достойными восхищения» исключительно за его религиозную политику, поскольку у монарха хватило храбрости и сил, чтобы «сбросить ярмо папской власти»¹⁹ и принять протестантизм. Как великое событие он изображает события 1558 г., когда «после смерти Марии и кардинала Поля прекратилась и власть папы над Англией и обрела жизнь протестантская вера в правление Елизаветы, дочери короля Генриха и Анны Болейн»²⁰. Елизавета изображается им абсолютно совершенной монархиней. Уже сам ее приход к власти необычен, «из узилища – во дворец, с эшафота на трон». События ее жизни он связывает не с семейной драмой, а с покровительством религии гонимых, причем и за пределами

Англии. Образ Елизаветы противопоставлен образу ее сестры Марии Кровавой, религиозная политика которой «сделала ненавистным правление Марии»²¹.

Соответственно он рассматривает и историю противостояния двух королей – Елизаветы и Марии Стюарт. Неслучайно при рассмотрении событий шотландской истории он детально описывает ошибки и недостатки правления шотландской королевы, и ее справедливое свержение. Он единственный из французских историков, который абсолютно не испытывал сострадания к казни Марии Стюарт. Напротив, он подчеркивает отсутствия в Марии благоразумия и благодарности по отношению к Англии, давшей ей убежище. Обинье как-то не говорит о том, что Марию Стюарт держали в заточении и не выпускали за пределы острова, но, напротив, подчеркивает, что эти превентивные меры шотландскую королеву «не подвигли к кротости и мягкости», и доказывает справедливость приговора, восхваляя как раз стойкость Елизаветы. Он делает вывод, что названные меры, напротив (что вообще-то походит на правду) ожесточили Марию Стюарт, и она оказалась в центре «заговоров против королевы Елизаветы»²².

Для историка-гугенота факт принадлежности Марии к католической вере уже обуславливает негативные оценки. Поэтому он полностью оправдывает действия английской знати и самой королевы Елизаветы. Он отмечает активную роль во всех событиях королевского совета и английской знати и детально описывает колебания Елизаветы. В его изображении королева была вынуждена «казнить подобного врага, во имя спасения государства»²³. Очень показательно изложение колебаний Елизаветы; мотивы отнюдь не дамские и колебания вызваны отнюдь не родственными чувствами: во-первых, короли не наделены властью судить других монархов, их судит только Бог. Во-вторых, суверенные монархи неподсудны законам других государств. Из сферы юридической историк переходит скорее в мистическую. Колебания Елизаветы были вызваны страхом перед последствиями подобного поступка, поскольку королевская кровь в представлении историка (приписанном Елизавете) наделена особыми свойствами и ее пролитие призывает другую кровь и казнь суверенной государыни навлечет бедствия на страну²⁴. Действиями английской королевы руководят государственные мотивы, что оценивается историком вполне положительно.

Решение Английского суда, таким образом, объявляется правомочным, д'Обинье подчеркивает, что моральные соображения и шотландские деяния Марии Стюарт не имели отношения к судебному процессу, чужую королеву в Англии судили за оскорбление величества и, рассмотрев все обстоятельства (Обинье упоминает, в частности, о заговоре Бабингтона), «приговорили к смерти 19 февраля 1587». Характерно, что исто-

рик путает даты, опуская достаточно длительный промежуток времени между вынесением приговора и казнью и называя другую дату казни. Это свидетельствует, что Обинье далек от точности историков-эрудитов, но последовательно проводит свою линию защиты протестантского дела. Д'Обинье твердо убежден в том, что казнь была справедлива, поскольку Мария была виновна «в заговоре не только против страны, которую она ненавидела, но и против жизни той, которая так защищала ее»²⁵. Обинье отмечает «великую храбрость» шотландской королевы, но при этом приводит факт, который еще больше возвышает ее противницу и доказывает, что ее жертва не считает Елизавету виновной. Эта подробность не фигурирует во всех описаниях драматической сцены казни: согласно д'Обинье, Мария Стюарт чуть ли не на эшафоте препоручает своего сына именно заботам Елизаветы, тем самым реабилитируя эту казнь морально. С этим, правда, мало корреспондируется обвинение Марии Стюарт в том, что та предала своего сына, передавая свои наследственные права испанскому королю в обход сына. Историк, по сути, прославляет мудрость Елизаветы и ее силу духа в принятии справедливого решения, морально дезавуируя ее противницу и жертву. Хотя именно за это католические памфлетисты называют королеву «английской Иезавелью», приписывая ей не только жестокость, но и лицемерие и даже скрытое распутство.

Таким образом, британские монархи упоминаются во французской политической и исторической литературе гораздо чаще, чем государи других стран. Следует отметить, что авторов не слишком волновала историческая точность, даже историки руководствуются политическими мотивами. На трактовке ими образов английских (по преимуществу) сказались и традиционное восприятие англичан как врагов и новые веяния, вызванные борьбой с Испанией и отношением к Реформации. Чем дальше, тем больше прослеживается в оценках Англии и ее правителей отношение к религиозному инакомыслию и к политике самой Франции. Образ врага-англичанина постепенно вытесняется иными представлениями: в условиях религиозных гражданских войн одна часть французского населения усматривала врага в испанцах, другая – в немцах. Отношение к английским монархам и их оценки объяснялись конфессиональной принадлежностью авторов и в силу этого были неоднозначны.

Примечания

- ¹ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 154.
- ² Ibid. P. 306.
- ³ Ibid. P. 470.
- ⁴ Pasquier E. Les Recherches de France. P., 1643. P. 33.
- ⁵ Ibid.

⁶ Pasquier E. Les Recherches de France. P. 527.

⁷ Ibid. P. 527–528.

⁸ Ibid. P. 528.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 529.

¹² Судя по всему, источники Пакье были неточными: он говорит о двух племянницах Ричарда – Елизавете, о которой в дальнейшем идет речь, и Маргарите, но у Эдуарда осталось 5 дочерей, причем ни одна из них имени Маргарита не носила. Явно Пакье не знал, что имя Маргарита носила дочь упомянутого выше погибшего в тюрьме третьего из братьев – герцога Кларенса.

¹³ Pasquier E. Op. cit. P. 530.

¹⁴ Ibid. P. 449.

¹⁵ Ibid. P. 500.

¹⁶ Ibid. P. 504.

¹⁷ Ibid. P. 563.

¹⁸ Ibid. P. 532.

¹⁹ D'Aubigne A. L'histoire universelle. S.I., 1616. V. I. P. 8.

²⁰ Ibid. P. 9.

²¹ Ibid.

²² Ibid. V. II. P. 954.

²³ Ibid. V. III. P. 90.

²⁴ Ibid.

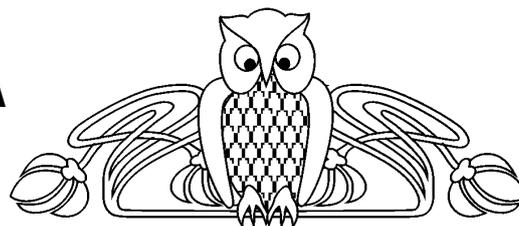
²⁵ Ibid. V. III. P. 91.

УДК 9(410.III) «13/15»

ТОМАС ПЛАТТЕР И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА КОНЦА XVI ВЕКА

Л. Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

В контексте культурно-интеллектуальной истории в статье анализируется восприятие культурного пространства Лондона конца XVI в. иностранным современником – путешественником Томасом Платтером. Автор выявляет, каким образом культурный код гуманистически образованного швейцарца, его субъективные представления, мысли, способности («принуждение культурой») преломляются в «ином» культурном пространстве. Платтер акцентирует внимание не только на внешней культурной атрибутике Лондона, его архитектурных достопримечательностях. Культурное пространство «иного» города в восприятии ренессансного гуманиста-путешественника имеет многослойную структуру, охватывая еще и театральное пространство, пространство живописи, музыки, отчасти образовательное и интеллектуальное пространство. Важно, что Томас Платтер сумел уловить и зафиксировать новые элементы в динамично меняющемся культурном пространстве Лондона конца XVI столетия.

Ключевые слова: современная урбанистика, проблема восприятия, швейцарский гуманист и путешественник Томас Платтер, культурное пространство Лондона, конец XVI века.

Thomas Platter and the Cultural Space of London at the End of the XVI Century

L. N. Chernova

The article analyzes the perception of London cultural space of Thomas Platter, a foreign traveler and a contemporary from the view point of cultural and intellectual history. The author finds out how the cultural strata of a Swiss, brought up in humanistic environment, his subjective attitudes, thoughts, abilities ("cultural constraint") are reflected in the "different" cultural strata. Platter focuses not only on the exterior cultural attributes of London and its architectural highlights. A cultural strata of a "different" city in the perception of a Renaissance humanist and traveler is multifold. It embraces theatrical, artistic, musical, and, partially, educational and intellectual strata. It is worth noticing that Thomas Platter managed to detect and record

new elements in the dynamically changing cultural sphere of London in the XVI century.

Key words: modern urban studies, problem of perception, Tomas Platter, a Swiss humanist and traveler, cultural sphere of London, end of the XVI century.

На рубеже XX–XXI вв. в интеллектуальном поле современной исторической науки произошли кардинальные изменения, выразившиеся в активном обращении историков, в частности, к проблемам восприятия современниками фактов, событий, явлений, к тому, как они их интерпретировали и оценивали, каким образом хранили информацию об увиденном/услышанном¹. В русле культурно-интеллектуальной истории особый статус приобретает история межкультурных контактов и «культурных трансферов», концентрирующая внимание на взаимосвязях, взаимовлияниях и выявляющая их конкретных медиаторов².

В данном контексте обратимся к анализу восприятия культурного пространства Лондона конца XVI в. иностранным современником – швейцарским путешественником Томасом Платтером – и попытаемся показать, каким образом его субъективные представления, мысли, способности («принуждение культурой») преломляются в «ином» культурном пространстве.

О Томасе Платтере известно не много. Определенно можно сказать, что родился он в 1574 г.³ в Базеле, был младшим сыном известного немецкого (швейцарского) гуманиста Томаса Платтера-старшего (1499–1582 гг.), ученого друга Эразма Роттердамского и почитателя Ульриха Цвингли. Его старший брат, Феликс, прославился как врач и один из основоположников медицинского образо-